

Книга Ф. Арьеса, которого известный социолог И.С. Кон назвал «родоначальником современной истории детства» [5, с. 7] не утратила своей актуальности. Исследование французского ученого ценно и для педагогов и историков России, т.к. может служить ориентиром для написания отечественной истории детства.

Список литературы

1. Абрамсон, М. Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе Высокого Средневековья (X-XIII вв.) // Человек в кругу семьи. – М.: Б.и., 1996. – 101 с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. ун-т. – 1999. – 416 с.
3. Гуревич А.Я. Этнология и история в современной французской медиевистике // Советская этнография. – 1984. – № 5. – С. 36–48.
4. Зидер Р. Социальная история семьи в западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.). – М.: Владос, 1997. – 302 с.
5. Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). – М.: Наука. – 1988. – 271 с.
6. Потепалов Д.В. Виктимологические проблемы детства в Древней Руси и допетровской России (X-XVII вв.) // Педагогическое образование. – 2007. – № 1. Научное издание ГОУ ВПО УЗГПИУ – Екатеринбург. – 204 с. – С. 110–116.
7. Потепалов Д.В. Проблема беспризорности в Древней Руси и допетровской России // Проблемы модернизации педагогического образования: – Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Изд-во УРГПУ 2004. – 189 с. – С. 51–54.

УДК 316.75-053.2 (09)

Потепалов Д.В.
ФГАОУ ВПО РГППУ,
г. Екатеринбург

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ И ДЕТСТВУ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: в работе автор исследует особенности социализации и воспитания детей в средневековой Руси и России с позиции теории культурного социогенеза детства.

Ключевые слова: детство, детоубийство, воспитание.

Трудно предполагать, что в Древней Руси и допетровской России отношение к детству было иным, чем в Западной Европе. Никаких свидетельств обратного нет. В значительно менее, чем Западная Европа урбанизированной России, роль семьи в воспитании была определяющей. Советский социолог А.Г. Харчев писал: «Родители проявляли большую заботу о детях, но особой душевной близости между ними и детьми не было, так же как и между братьями и сестрами» [9, с.121].

Можно также предполагать, что взрослая часть общества дифференцировала детей по возрасту. Уже в Древней Руси появляются слова означающие возрастные группы: «дитя», т.е. тот, кто вскармливается грудью; «молодой» – ребенок 3–6 лет, воспитываемый матерью; «чадо» – 7–12 лет, начинающий обучаться; «отрок» – подросток 12–15 лет, проходящий специальное ученичество перед посвящением во взрослые члены рода или общины. Роль матери в деле воспитания детей была высока на протяжении всего периода взросления не только девочек, что понятно, но и мальчиков. Не случайно, на Руси человека, достигшего полной зрелости, называли словом «матерый», т.е. воспитанный матерью [5, с. 112].

Во всем остальном на Руси и в Московском государстве мы наблюдаем те же явления, что и в Западной Европе. В первую очередь обращает на себя внимание очень высокая детская смертность. Причем, если в передовых странах Западной Европы она с XVIII в. стала заметно сокращаться, то Россия в начале XX в. стала европейским «лидером» по детской смертности, о чем с огромной тревогой писали русские врачи. Так, в Германии, Австрии, Швеции, Франции в XVII–XVIII вв. общий коэффициент смертности составлял 25–28 на тысячу человек населения, в то время как в России даже в 1913 г. – 31 на тысячу.

Среди православного населения России, и в особенности среди русского населения до 1860-х гг., существовала самая расточительная, неэффективная, можно сказать, экстенсивная модель воспроизводства населения. Причина этого состояла в том, что у православных женщин до середины

XIX в. существовала иная психологическая установка, другая парадигма в отношении числа рождающихся и умирающих детей – полагаться не на себя, а на Бога. Вся забота нашего крестьянина о детях в раннем возрасте яснее всего выражалась в поговорках: «Жив, так и не тронь, а умер, так Бог прибрал – святая душенька будет» или «Если ребенок родится на живое, то выживет, если на мертвое, так умрет»[4, с. 204].

Уход за детьми, даже за первенцем был минимальный. Из десяти родившихся в страду детей в русской деревне выживало двое, поскольку матери уже через несколько дней после родов уходили на полевые работы [8, с. 68]. Распространенным явлением было детоубийство. Известный юрист, профессор М.Н. Гернет в изданной в 1911 г. книге «Детоубийство» писал: «Наши предки не составляли исключения относительно обычая убивать детей: детоубийство имело место и у них считалось дозволенным»[1, с. 288].

После образования государства и крещения Руси разбор дел об убийствах детей долгое время входил в компетенцию исключительно духовных судов. Стоглавый собор 1551 г. снова подтвердил изъятие из подсудности светских судов данных дел. Лишь Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. отчасти передало рассмотрение этих дел в руки светских властей. При этом светское правосудие, в отличие от церковного, рассматривало детоубийство как привилегированный вид убийства, т.е. не представлявший большой общественной опасности.

Всякая оценка какого-либо поступка должна учитывать его мотивацию. Б.Н. Миронов предполагает, что в подавляющем числе случаев так называемого скрытого детоубийства отсутствовал умысел убить ребенка, но был либо фатализм, либо элементарная халатность, а в большинстве случаев явного детоубийства присутствовало намерение, как это ни покажется странным, сделать ребенка счастливым. Писатель Андрей Платонов в одном из своих произведений описал, как голод в деревне в начале XX в. заставлял матерей расставаться со своими детьми. Пять лет подряд в деревне был неурожай, и матери-кормилицы либо «грудных постепенно томили сами, не давая досыта сосать», либо приглашали старуху, которая «лечила от голода малолетних: она давала грибной настойки пополам со сладкой травой, и дети мирно затихали с сухой пеной на губах. Мать целовала ребенка и шептала: «Отмучился, родимый. Слава тебе, Господи!» Она и старуха верили в облегчение его грустной доли, в то, что он сейчас «в раю ветры серебряные слушает»[10, с. 111].

Все же большинство женщин в силу религиозного воспитания и нежелания губить живую душу на убийство не решались, а стремились куда-нибудь подбросить ребенка. Очень часто матери подбрасывали своих детей ко двору, где у одной из женщин был или только что умер грудной ребенок. Расчет делался на жалость и физическую возможность выкормить ребенка. Не отличало Россию от Запада и жестокое отношение к детям. Причем эта жестокость шла не от невежества, а была вполне осознанным методом воспитания. Одной из вершин педагогической мысли того времени был «Домострой», составленный известным деятелем из ближайшего окружения Ивана Грозного – протопопом Сильвестром. Сильвестр был знаком не только с отечественным, но и западноевропейским опытом составления подобных произведений – «Советы отца сыну» чешского писателя, бакалавра Пражского университета Смиля Флашки (сер. XIV в. – 1403 г.), «Рассуждения об управлении семьей» средневекового итальянского педагога Пандольфини и др. Этот благочестивый учитель нравственности дает такие советы отцам семейств: «Сына ли имаши, не дошед в нити в юности, но сокруша ему ребра; аще бо жезлом биеша его, не умрет, но здрав будет, дочь ли имаши – положи на ней грозу свою». Этот суровый моралист запрещает даже смеяться и играть с ребенком [3, с. 145]. В Своде законов, составленном при Алексее Михайловиче (середина XVII в.), судам запрещалось принимать жалобы детей на дурное обращение с ними родителей [2, с. 137].

Многие классики отечественной исторической науки отмечали жестокость русской системы воспитания. Так, С.М. Соловьев писал: «Педагогическим принципом эпохи был принцип «воспитания в добром наказании». Родителям предписывалось детей «любить и беречь и страхом спасать; уча и наказуя, и рассуждая раны возлагать»[7, с. 172].

Историк и писатель Н.И. Костомаров, описывая семейные нравы Древней Руси, отмечал следующее: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложной святостью патриархальных отношений... покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей перед ними переходила в деспотизм без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, чем более проникнут был учением православия, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже: «Наказуй отец сына из млада, – говорит одно старинное поучение, – учи его ранами бояться Бога и творить все доброе, и да укоренится в нем страх божий, а если смолоду не научишь – большого как можно научить». Слова почитались недостаточными, а как бы они не убедительны не были, нужно учить детей «розгами, да не приемши-про ныне от человек сорома и будущих мук»[3, с. 145].

К названному выше следует добавить широко практикуемое на Руси «выметывание» плода (аборты). Уже в древнерусских памятниках XI – XII вв. встречаются свидетельства, что женщины использовали лекарства («зелье») для вытравливания плода и нагружали себя физической работой, чтобы вызвать выкидыш. Судя по вопросникам, составленным монахами для исповеди в XIV – XVIII вв., церковники всякий раз спрашивали женщин на исповеди: «Не травила ли младенца во утробе? Не убила ли младенца во утробе?» [6, с. 310].

Все это вместе взятое, свидетельствует о том, что также как и в Западной Европе, в Древней Руси и Московском государстве ценность жизни ребенка была ничтожно мала. За редким исключением детей знати, в нем не видели личности.

Список литературы

1. Гернет М.Н. Детоубийство / Антология социальной работы: в 3 т. – М.: Сварог. – 1995. – Т. 2. – 400 с. – С. 288–301.
2. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 188 с.
3. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М.: Экономика, 1993. – 399 с.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – 348 с.; 567 с.
5. Потепалов Д.В. Виктимологические проблемы детства в Древней Руси и допетровской России (X–XVII вв.) // Педагогическое образование. – 2007. – № 1. Научное издание ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Екатеринбург. – 204 с. – С. 110–116.
6. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. – М.: Госполитиздат, 1957. – 495 с.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения: в 18 кн. – М.: Голос, 1994. – Кн. 4. – 758 с.
8. Ульянова Г. Доля сиротская // Социальная защита. – 1991. – № 5. С. 66–68.
9. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
10. Чечулин Н.Д. Воспитание и домашнее обучение в России в XVIII в. // Дела и дни. – 1922. – Кн. 2.

УДК 37.01+371.134

Ронжина Н.В.
ФГАОУ ВПО РГППУ,
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация Основная идея статьи заключается в том, чтобы с философских позиций показать роль и значение формирования профессионального мышления педагогов профессионального обучения как важного фактора в развитии современного общества. В настоящее время необходимо формировать новое прогностическое профессиональное мышление, чтобы от «догоняющей модели» экономики общество могло перейти к «опережающей модели» своего развития.

Ключевые слова. Профессиональное мышление, профессиональное образование, креативность, инновации.

Проблема формирования профессионального мышления педагогов, выявление факторов его исторической эволюции и проявление особенностей на разных этапах развития общества у разных категорий трудящихся людей – это во все времена, напрямую выходящие в сферу передачи опыта человечества от поколения к поколению, а, следовательно, и профессионального образования. Особенно это актуально для профессионально-педагогического образования, поскольку именно в данной сфере осуществляется воспроизводство «педагогов педагогами» и, насколько подготовленные нами специалисты будут соответствовать требованиям современной жизни, будет зависеть будущее страны.

Термин «профессиональное мышление» в практический и научный обиход стал входить сравнительно недавно. Проблемы, связанные с изучением мышления вообще и профессионального мышления, в частности, являются предметом анализа разных наук: психологии, философии, логики,